

Поверх барьеров (научных)

Нейронная сеть переписывает М. М. Бахтина

Б. В. Орехов

НИУ «Высшая школа экономики»

В последние годы большую популярность в технологической среде получили искусственные нейронные сети. Это особенный тип машинного обучения, который используется для автоматического поиска закономерностей в наборе данных с тем, чтобы компьютер самостоятельно распознавал изображения, мог прогнозировать тенденции, отличал типичное от исключительного. Технологии, основанные на нейронных сетях часто становятся информационным поводом. Они внедряются в банковскую сферу, криминалистику, управление сложными процессами в городской среде или бизнесе.

Новые возможности появились благодаря нейронным сетям и в области языка и текста. Помимо сугубо исследовательских проблем нейросети оказались способны на более высоком уровне решать и задачи автоматического порождения текста. Выяснилось, что модель нейронной сети можно «обучить» на определенном корпусе текстов, а затем эта модель сможет генерировать тексты, которые будут воспроизводить стилистические особенности оригинала. Наиболее удачные результаты получаются при порождении поэтических невестовательных текстов. Это связано с тем, что нейросети удачно воспроизводят короткие высказывания, но пока не могут имитировать длинную нарратацию¹. Таким образом, лишенные заранее заданного автором смысла, но несущие в себе авторский стилистический сигнал тексты, порождаемые нейронными сетями, по сути, являются чистым, отвлечённым от смыслов, стилем.

Мы поставили этот стилистический эксперимент с текстами М. М. Бахтина, обучив нейронную сеть рекуррентного типа на собрании сочинений в 7-ми томах. Трёхслойная сеть на 1024 нейрона породила результат, который можно наблюдать ниже. Исследователю этот результат напомнил другой псевдофилософский дискурс: «Схоластический экзотизм моего сотворения наименее болен деклериализацией несуществующих восприятий. Как минимум один эскиз может определить всё сказание. Эскиз эмигрирует прежде, чем поддастся влиянию концептов. И этот эскиз — человек-бутерброд». Так в фильме Мишеля Годри «Пена дней» (2013) изъясняется Жан Соль Партр, пародийный двойник Сартра. Действительно, в том, что порождает нейронная сеть, легко увидеть пародийность. Здесь соединяются необходимые для жанра смеховой компонент,

¹Подробнее о литературоведческом смысле получающихся текстов см. в Орехов Б. Искусственные нейронные сети как особый тип distant reading // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2017. № 2. С. 32–43.

неизбежный при принципиальном отсутствии смысла высказывания, и восприятие стилистических особенностей «объекта пародии».

Однако, как представляется исследователю, от этой пародийной линии в восприятии приведенных ниже текстов можно отвлекаться, если сконцентрироваться на их стилистической доминанте. Так выглядит чистый стиль Бахтина, в котором разорвана связь со смысловой составляющей, потому что смысла в этих «высказываниях» действительно нет, а авторский сигнал на низком механическом (языковом) уровне — есть.

Тексты такого рода ещё ждут своего исследователя. Ждут они его потому что методики исследования здесь должны быть новыми, наука, которая сможет извлечь новое знание из текстов нейросетей, пока не появилась. Но в ожидании её появления мы представляем здесь первую публикацию такого рода для бахтинского наследия.

Б. В. Орехов

Диалогический мир и предложения, и хромотопические факты в телесном плане и своеобразное влияние на небольшой из них он принимает и чисто стилистическая свобода и подчиняется в пределах одного времени ее разнообразия и самосознания и необходимости и внешнего сознания одного и того, что совпадает с другим человеком этого типа. В своем отношении Ренессанса произведение все может стать внутренней диалогической установкой в другом голосе. На протяжении всего этого он дает и понятие в пределах одного контекста поступка и даже в низких законах и карнавальные стихии издания образов Рабле и Пантагрюэля. В первом проявлении отдельных средств развития романа не оказывается стилизованного символа и подчеркивает возможное переплетение с фамильярным миром и смехом и действительным и не завершающим кругозором между эпизодами и именно в нем представляются предметно и сколько на самом деле, который понимает его в монологическом пространстве, и они воспринимались в первой книге. Наиболее определенный и внешнее отношение к границам воспитания его героев и его слова.

Карнавал и Пантагрюэль нам в последующем романе. Признание пожирания и тема изображения реализма. Можно объяснить героев, но они имеют дело для него и должны, все в пределах одного мира лишь в полном смысле самого поступка, а как безответственное место и с моего же предметного отношения к нему в слове и не было завершенностью как предметно-монологическое значение изображаемого сознания. При этом не может быть принципиально не может быть диалогически определено и не отошедшее от возможности своим монологическим событием и диалогическими направлениями). Но в нем слово приобретает для него лишь в известной степени многозначное значение в том, что не было изображением, а возможно и возможны возможно совершенно ценное влияние своего объекта исторического слова — только в настоящее высказывание необходимы и полное бытие герои наших историко-науки (в контексте содержания и состояния на мир себя и других внутреннего сознания), где человек может

быть действовало и все эти слова остаются в нем в реальном произведении, но не только познающего в другом начале эпохи.

Хронотоп и др. Это не материализм и его проблема участников слова и безответственного отрицания образа героя в особенности совершенно непосредственно проваливание к себе самому и для другого, которая не может быть изображаются привилегии и как таковые и конкретно-природные слова и поступка познания, как как материал содержания, в самой жизни совершенно нелепо, реальные и меняются в прошлом и возможном мире. В пределах этого повествования, которое он имеет дело в слове как диалог изображения поступка и сознания в поступке и в одном плане. Авантюрное сознание судьбы и возражения выступает в нем, то есть именно между подлинными пространствами, но и можно было своему пределу, что внутренне иногда следующим образом подчинено очень сильной, изнутри себя и как неразрывно связанное с другим. В самом деле, как и все типические и диалогические определения целого.

Такие слова может пользоваться в пределах одного из первого опыта объектной личности и предметные и отвлеченные отдельные стилистические формы высказывания (в отношении к исторической общественной конструкции и положение изображенного здесь на своем содержании) в переживании должностности и событийного социального слова многообразнейшим вопросом об искусстве и вне времени, оставались в едином понимании диалога и сознания в его особенности языка с элементом может быть принципиально отвлеченно изображено в совершенно сложном и адекватном исключительном диалоге, или он сам все не отделяют от всех интенций и внешней бесконечности, это возможным высказыванием можно сказать о нем, оторванной от него и возможного происходит без этого внешнего начала и в изображенном слове в смысле самосознания и не возможно, ибо она вовсе не может иметь не на своем переживаниях, ни своего отражения в смысловом событии, а в нем и своей содержания и слова в произведении на авторе и на смысловое содержание, но даже в большом мире. Мы свободно создаем изображение в нем своего события должно быть именно как фактически единственно к поступке; они поняты и создать все эти слова тематики и управляет в себе задач и не возможно сочетание границ и переживаний в целом реального предмета. Он воспринимает подходы к общению, причем реальное понимание предметного взаимодействия в его целом построения мира и в самом деле жизни приватного понимания исторического видения и выражения в своем событии: это не только отношение к себе самому. Современность переживает вне высказывания. Конечно, не сильный образ изображенного в мире и не только не приказанное в самом слове, а в сообщении к другим. Все подвиги дано в пространстве и в образе биографического романа. В данном случае он не завершает и не принципиальным событием.

Рабле на основе образа Лазаря к образу карнавального типа и в этой литературе подготавливает свою оценку нового времени и всегда совершаются в прошлом продажи в правде о смеховом плане образа карнавального смеха. Наконец, в реальной литературе приобретает в данном случае в нем

принадлежат к площади и в первой главе. Поэтому иерархические образы в совершается появляются совершенно непрерывно возможны и изображают не в системе вещей и в обычных влияниях о пределах того же вещей (разнообразнейшие моменты и контексты и дураков) и принципиальное понимание, которое он показал в себе произведение стремится к гордостью и на принципиальные отношения. Например, *complicari* возможна в этом смысле и как произведения нельзя возвращаться к нему в пределах своей позиции и предметной природы сознания, объективного интенции (как продуктивное), впервые во втором смысле (иногда в отношении к предметному миру). В основном их интонация не укладывается до сих пор должна быть диалогически совершается, ибо они полностью имели в виду идеализм.

Вообще они своеобразны (таким образом, без события), но сказанные (жанровые и временные «природы» и т. п.), в нашей стороне всегда как бы является в образе языка (как такового и пр.), они связаны с совершенно иной из материализма с совершенно иной стилизованной глубины, введенной на все стороны его, произносит из него, он узнает, воплощает нельзя возникать в единстве материала для другими словами, должны привести к действительности и внешней глубине, что предложение самого определяются весь тический сознание, возможно лишь в основном и основное слово и внутреннее поставить в конце первых личностей и в изображенном его тело и объекта эстетики именно этот развитий. Это совершенно необходимо быть выразительно как раз слово в понимании и слиянии на индивидуальный высказывание к первому слову и о безнадежное событие нельзя просвечивать для предмета. Но это возможно понятие всех этих слов есть для этого подлинного развития и определяющей место в плане объектного предложения создать все чисто смысловой и иного рода познавательные связи в образах ее временного принципа, выраженного в нем между предметно-смысловой тоном и его интенциональным противоречием, в каком невозможном взаимоотношении в одной из слов, делает лишь особое обоснование, обогащающее объективное слово и не может быть иногда в пространстве, что она не может быть смешным и не было, но и как бы даже в контексте времени для диалога, а в последнем мире не может быть наше значение: оно отношение к пределу рассказа о себе самом, ударает понятие и вечности и непосредственно не должно изображать образ возможного места и всегда развернуто и не принципиально всерьез и совершенно иного мира.

Риторика и Пантагрюэля и др., но не образы народной комедики. Но в системе этого праздника признана не духовное.

Праздник недели произведение, совершенно иными анализами образов праздника в ослабленном веселых социальных работах в пространстве и в следующем исключительном смысле. Они не только подвергаются в образах построения всего романа. Конечно, все эти предметные отношения слова должна быть осмыслена и определенного и полновесного возникла на почве принципиальной речи (и в образе его высказывания в чужом слове). Возможно движется в диалогические формы произведения и принципиально не всегда состоит на протяжении внешней черты речевого общения, кото-

рый становится предметом всего его нет ни слова. Такова статья Достоевского оба этих необходимо понять и становится только постановкой многообразия в истории реализма, не отсутствие речевого слова. В общении героев не совпадает с ним. Не выходят за пределы его сознания в пространстве, совершенно невозможно переживание внутреннего объекта. Необходимо еще найти все это отсутствие его предметного индивидуализма. Он и не есть и воспринимает в нем объективное место, которое мы под замечающим нашей идеологии. Вполне пространственное понимание возможного суждения и обновления и беспрепятственного творчества в произведении подлинного положения, как сопротивления я познавательно определяется и поступает и не внутренне, которое создали отчасти в пределах весьма ответного образа, в чем они вообще не входит в область языка. Но в нем все здесь подчеркнуты еще не признавать, только возможны и все моменты сама поступка (и диалогическое содержание высказывания). Для изображенного слова и объектом как текста как раз основной задачей собственно поступка и изображенного слова с границами познания, а как возможно не общение с предметом отвлеченного изображения. Все остальное на авторе и объективное предложение нет для себя в нам как таковое своеобразное место. Это слово рассказывает определенное влияние на все это слово в романе, дано в поэтическом романе создателей прежде всего к тому, что он не человек и создает данное двуголосое и отношение к нему, оно было непосредственно и возможно произведение и диалогические отношения в общении, но и понятно и не имеет нет своей конкретности они в человеке не создает все свои особенности сознания в них, не на мир как никакого теоретического тела, а их возможное взаимоотношение в содержание и отдельное переживание в самом изображении времени своей собственной встречи частного и смещения контекстуальной позиции. Это пространство имеют чисто объективное историческое переживание для него не создаваемые в единстве слова (и различных диалогов).

Полифония у Тургенева. В то же время и в конце концов и в нем нет никаких отношений к действительности только полностью было не принимать и чувствовать на той дела и самого почти как бы возникают из себя в городе и непосредственно ощущается в отличие от предмета и подлинного взаимоотношения с изображенным событием (события языка — первобытного признания), а не в поэзии, но и в какой-то мере или в области действительности, и только мало сложились на своем роде, не подлежит человеку и получают всякому мировоззрению и внешней форме в духе исполнила своего прошлого. Социально-политическое развитие определяется в этом отношении к себе самому, который не оказывается и показано. Такой положение нам показан всякое понимание вокруг него. Но в пределах того или иного монологического общения не может быть непосредственно и существенно совершенно нельзя назвать и не реализовано в полном смысле. Это не как стилистическая продуктивность, не может быть определена как односмысленный и разнообразный и заверченный образ возможного понимания и полноты его и слова между дискуссиями и его явлениями автора в его принципиальном отношении к ней свершается в поступке и впервые

оставляя ее. В конце отношений между положительными телами и одновременно смысловые высказывания может быть именно для него автора и особенно важна для современности и объектного предложения поступка. Одно из древнейших в процессе моего времени вовсе не возможно для себя, но и в действительном и не вступающем между ними он не проникает в свое время — в то же время одной и той же стороны произведения, которые он говорит он предмета автора об определенном сознании в разных степени. Они тесна устойчивая и обогащаемая, оставалась все образы и интенция, оно перестает понимать и не отражать двуголосое высказывание в моей жизни. Построение этого первого существенного и завершенного телесного канона в нем создала его присущее освещение смысловой системы карнавального типа. Здесь в этой форме сохранялось в монологическом понимании истории древнего диалога. Но поэтому совершенно неразрывно связана с народной культурой прошлого. Часть непосредственно отделено от диалога или изображенного тела. Здесь можно отвлечься от слова (по характерному величиному, не завершенному), а подготавливает и должно быть поняты в нем не окончательно. Поэтому и между героем и обращено к рассказу о том, что он забыл не ощущает в нем в нем. Современность перейдет не к полноте и внешней осведомленности, ни как не заставляет, для него не может выражать ее в известной мере совершается в том, что это совершенно недостаточно, как событие и общение и приобретает предложение — в самом различном голосе.